

ПУТЬ

БЕЗПАРТІЙНАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

1 мѣс. въ Финляндіи	12 м.	загран.	15 м.
2	24 .	.	30 .
3	36 .	.	45 .

Въ Бельгін и Франціи 6 фр., Голландіи 2 фл., Швеціи, Норвегіи и Даніи 3 кр., Англіи 4 шил., Австріи и Германіи 20 герм. мар., Италіи 10 лиръ, Америкѣ 1/2 дол., Швейцаріи 4 фр. въ мѣсяцъ.

Плата за объявленія по 1 м. 50 п. за строку петита.

Редакція и контора: Гельсингфорсъ (Helsingfors), Зап Генриховская 16, кв. 3 А (V. Henriksg. 16, lok. 3 A).

Редакторъ принимаетъ съ 3—4 час. — Контора открыта съ 11—5.

ЦѢНА

Г-форсъ

50 п.

провинція и
жел. дор.

75 п.

Отвѣтственный Редакторъ-Издатель К. И. Шаринъ.

№ 150.

Суббота 20 Августа.

1921 г.

О лишихъ людяхъ и Чеховскомъ пророчествѣ.

Въ Петербургѣ все дожди и дожди. Въ окно тоскливо смотреть слезливый, почти осенній пейзажики. Въ коридорѣ кто-то встревоженнымъ теноркомъ хозяйственно разсуждаетъ о печуркѣ, дровахъ на зиму и почему-то о грибахъ... Скучно. Вспоминается Чеховъ, вѣтрище — чеховщина. Это уже прочная, банальная ассоціація. Впрочемъ, на этотъ разъ причина не только тоскливая мелочи быта и дождливый ощущенія всякаго рода. Вспоминается Чеховъ и по болѣе „закононымъ“ ассоціаціямъ: появились „лишніе люди“...

О нихъ громко заговорили. Они стали до известной степени „злойбой дня“. При чемъ, какъ всегда бываетъ, когда на явленіе обращается усиленное вниманіе — оно проявляетъ неожиданныя свойства, обнаруживаетъ такое, чего не ждешь или почти не ждешь. Лишними оказались многие изъ тѣхъ, о комъ еще вчера строгаѣше запрещалось и думать подобнымъ образомъ. И, съ другой стороны, призваны къ жизни и, слѣдовательно, признаны полезными такіе, которые покоились подъ ярлыкомъ лишнѣхъ, начертаннымъ еще по старой орфографіи, т. е. съ первыхъ дней революціи.

Произошла перетасовка. И въ ней любопытно хотя-бы поверхностно разобраться, такъ какъ вопросъ о „лишнихъ людяхъ“

въ полномъ объемѣ не умѣстится въ газетной статьѣ.

Начнемъ съ фактовъ. Вновь обнаружился лишніе люди въ коммунистической партіи. Ихъ изгоняли путемъ перерегистрацій и всякими способами и раньше, но теперь опубликована цѣлая система строгаѣше перерегистрацій съ цѣлью рѣшительнаго удаленія ихъ.

Они-же, оказывается, угнѣздились почти во всѣхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ. И особымъ декретомъ, также только что опубликованнымъ, предлагается сократить число служащихъ на 50%.

Съ той же цѣлью — опять таки, освобожденія — правда, отъ разнаго сорта, типа, вида и свойства, но такъ или иначе — лишнѣхъ людей — придумана и уже начинается проводиться въ жизнь система коллективнаго снабженія, дающая право лицамъ, возмѣлающимъ коллективъ, не снабжать и увольнять тѣхъ, кого они найдутъ лишними.

И такъ далѣе и такъ далѣе.

Повторяю, всѣ эти „лишніе“ — по разнымъ причинамъ лишніе. Многие, можетъ быть, и не имѣютъ ничего общаго съ чеховскими „лишними людьми“. Все измѣнилось и перепуталось до неузнаваемости, но какія-то общія черты гдѣ-то и въ чемъ-то все-таки имѣются, и плоды неувидаемыхъ постиженій Чеховымъ русской

души — во многихъ случаяхъ налицо...

Чеховскій лишній человѣкъ прежде всего не знаетъ, что ему дѣлать. Это было основнымъ его свойствомъ. Не зная окончаательно, катастрофически и безповоротнo.

И это — осталось понынѣ. Нынѣшній „лишній“ тоже не знаетъ. Чеховскій ѣдетъ „въ Крымъ“ т. е. на Кавказъ, а нынѣшній ѣдетъ въ Москву, т. е. въ Парижъ, т. е. къ чорту, потому, что онъ, собственно, не знаетъ, куда ему ѣхать и зачѣмъ.

Чеховскія „три сестры“ рвались „въ Москву, въ Москву, въ Москву“, а нынѣшнія три сестры и еще тысячи сестеръ и братьевъ, и дядей и тетокъ прѣбывали въ Москву и даже записались въ члены коммунистической партіи, что несомнѣнно явствуетъ изъ нескрываемой потребности поспѣдней въ рѣшительномъ удаленіи ихъ.

Почему? Потому, что были „лишними“ людьми и обывателями и остались таковыми.

А другія тысячи сестеръ и дядей, которые тоже рвались не менѣе этихъ „въ Москву“ — попали въ Парижъ и Берлинъ. И это-же? Развѣ и тамъ остались, они не тѣми же лишними и нелѣпыми, какими были раньше?

Совершенно такими же! Внутренне — ничуть не иными.

Такая ужъ порода — гениально подмѣченная Чеховымъ. Ничего не поддѣлаешь.

Но это внутренне.

Внѣшне они, конечно же, из-

мѣнились. Не зная, что дѣлать, и не зная, какъ узнать это, они научились, однако, дѣлать видъ, что знаютъ. О, какъ они научились этому!

Треугольный социальный укладъ до такой степени сложившійся и уютный, что многимъ разрывалась роскошь быть лишними, революція единымъ духомъ уничтожила. Господа лишніе вмѣстѣ со всѣми были выведены на морозъ и получили общее предложеніе: будьте любезны заботиться о своемъ существованіи. И лишніе люди, еще недавно до крайности пассивные, стали до чрезвычайности энергичны. Лишніе-то они, конечно, лишніе, а жить все-таки надо въ силу хотя-бы закона, Чеховымъ же сформированнаго:

— Вѣскому насѣкомому жить хочется.

Но какъ жить? Лишними быть нельзя. Значитъ, ясно: надо казаться полезными: Техника обмана здѣсь проста. Надо дѣйствовать. Все-равно какъ: пусть глупо, нелѣпо, даже преступно — все-равно, лишь-бы дѣйствовать. И видъ при этомъ, конечно, надо дѣлать „убѣжденный“.

У насъ лишній человѣкъ современной формации, когда ему уже совершенно ясно, что онъ лишній — называетъ себя:

— Незамѣнимый.

А за границей „лишній человѣкъ“, т. е. бывший лишнимъ и оставшійся таковымъ, выступаетъ въ роли неизмѣннаго „спасателя отечества“.

Другого выхода психологич-

чески у нихъ нѣтъ. Толстой правильно подмѣтилъ, что какъ только папы почувствовали, что, въ нихъ не осталось ничего святаго, такъ они назвали себя святѣйшими.

Говорить о томъ, сколько обыватель приноситъ вреда и горя не приходится. Это ясно. Суеищійся обыватель — опаснѣе быка, избѣивагося на пожарѣ. Онъ по неинѣ не вѣдаетъ, что творитъ. Резиновая тупость его инерціи давить все, что можно, что попадетъ ему на пути. Онъ безжалостенъ, слѣпъ и слѣпо-кровожаденъ. Отъ чеховской „поэзіи томленія“ въ немъ, разумѣется, не осталось и слѣда. Какая ужъ тутъ поэзія! Въ смертной жаждѣ сохранить животь и въ тупомъ экстазѣ за него, онъ сокращаетъ все на своемъ пути. Чеховскій лишній человѣкъ, запутавшійся окончаательно, кончалъ съ собою, какъ Ивановъ. Нынѣшній же, запутавшійся, (а онъ собственно никогда и не „распутывался“) — норовитъ все больше кончать съ другими. Онъ кричитъ о разрушеніяхъ и террорѣ, а самъ разрушаетъ и терроризуетъ. Онъ создаетъ анекдотическую волокиту въ учрежденіяхъ, онъ ухитряется изъ мелкой канцеляршн сдѣлать бюрократическій застѣнокъ; имѣя власть — онъ жестоко и тупо въ такой-же мѣрѣ, въ какой жалокъ, когда лишается ея. Историческій мусоръ, онъ у всѣхъ болтается подъ ногами и вдохновляетъ своей тупостью и предастъ своей мерт-

вающей суетой рѣшительно все, во что вовлекается.

А ему все-равно, во что, потому что онъ не знаетъ, что ему дѣлать — ибо это его основное свойство.

Въ Россіи онъ томится по „за-границѣ“, за границей томится по Россіи, но — пока что — и тамъ и тутъ остается лишнимъ и гадить, портить, клеветать, путаетъ и лжетъ.

Но есть все-таки разница между нашими „лишними“ и тѣми, кто очутился за границей.

Если наши „лишніе“ не знаютъ, что имъ дѣлать, то революція знаетъ, что съ ними дѣлать. Если тотъ, кому надлежитъ быть въ Парижѣ — попалъ въ Москву — онъ найдетъ себѣ здѣсь въ концѣ концовъ слабое примѣненіе. Если онъ „записался“ въ коммунисты его „выпишутъ“. Если онъ будетъ лишнимъ въ любой работѣ — его вытѣснятъ механически, если не одинъ, то другой декретъ, если не одно, то другое мѣропріятіе. Здѣсь онъ въ тискахъ суроваго лозунга, давно переставшаго быть лозунгомъ, превратившагося въ основное условіе режима.

— Кто не работаетъ, тотъ не ѣсть.

Но за границей русскій лишній человѣкъ еще рѣзвится на „вольной“ травкѣ. Онъ все еще склоненъ разсматривать Россію, какъ свое пастбище, а революцію, какъ заборъ, неизвѣстно откуда появившійся и закрывшій доступъ на привычный выгонъ. И — внутренне представляя со-

бою овецъ безмысленно тыкающихся воть уже четыре года объ этотъ заборъ. — Они стараются дѣлать видъ при этомъ, что спасаютъ отечество и, главное, непреложно знаютъ, какъ его спасти.

Растерявъ во время этого тыканія все, что было у нихъ святого, и все, что есть даже у овецъ — любовь къ родинѣ — они по животному безумно рады всякому несчастью, постигшему эту родину, совмѣщая какимъ-то образомъ овечью глупость съ волчьей кровожадностью.

И при этомъ, конечно, какъ папы, потерявъ все святое, считаютъ себя святѣйшими печальниками за судьбу отечества.

Трудно передать впечатлѣніе, какое производятъ ихъ статьи въ ихъ газетахъ. Не вѣривъ глазамъ своимъ, что подъ этимъ наборомъ подлой глупости и наивной лжи подпиневаются многие изъ тѣхъ, кто еще столь недавно скрывалъ какимъ-то чудомъ свое ничтожество, теперь чудовищно обнаружившееся.

Трудно повѣрить — неужели это тѣ самые писатели и журналисты, которыхъ мы знали, которыхъ читали и которымъ порою вѣрили?

Къ сожалѣнію, клеветнические листки нашихъ иностранныхъ лишнихъ людей у насъ не въ большомъ ходу и не всегда общедоступны. Поэтому дать возможность судить о нихъ нашимъ лишнимъ людямъ, которые завидуютъ тѣмъ — почти невозможно.

Но когда мнѣ удалось надняхъ ознакомиться одного нашего „лишнего“ человѣка съ писаніями его заграничнаго собрата, къ тому же „съ именемъ“ — онъ прочиталъ и ахнулъ!

И это не первый случай, послѣ котораго приходитъ на умъ и дѣлается непреложной мысль, что лучшая агитация въ пользу большевизма это такъ называемая „бѣлая пресса“ нашихъ заграничныхъ всякой формации лишнихъ людей.

Но Богъ съ ними. Вопросъ о нихъ не новъ. Въ Россіи сейчасъ идетъ борьба со своими „лишними“ и было естественно вспомнить объ эмигрировавшихъ.

Интересно другое. Неожиданное-ли явленіе?

Вѣдь весь вопросъ объ интеллигенціи, который, конечно, значительно шире и глубже и трагичнѣе вопроса о „лишнихъ людяхъ“ — свелся въ концѣ концовъ къ простой переоцнѣ.

Произошла какая-то духовная девальвация. И, какъ при девальвации цѣнности механически и прочно устанавливаются — механически устанавливается истинная цѣнность раздутыхъ и раздувшихся всякими способами чело-вѣческихъ банкротствъ.

Въ сущности это въ порядкѣ вещей.

Но, воть, повторяю — можно ли это разсматривать, какъ неожиданность?

Оказывается, нѣтъ. Это можно было предвидѣть. И предвидѣть Чеховъ же, съ такой объектив-

ной жалостью описывавшій своихъ лишнихъ людей.

Теперь, кстати, июль, 17-ая годовщина смерти поразительнаго художника и знатока русской души. Дата не очень „круглая“, но вспомнить о Чеховѣ, помимо даты, даетъ поводъ жизни.

Какъ извѣстно, изъ-за него шелъ праздный споръ, начавшійся еще въ 1905 году. Споръ по поводу того, къ какой партіи примкнулъ бы Чеховъ, если бы такъ рано не отняла его смерть.

„Небо въ алмазахъ“ — расшифровывалось всячески, и, помнится, сильнѣе всѣхъ настаивали кадетскіе чеховисты, что Чеховъ былъ бы кадетомъ...

Теперь этотъ споръ смѣшонъ, конечно. Но знаменательно, что до сихъ поръ въ общей печати не приведены строки Чехова, въ которыхъ ясно предсказано поведеніе его унылыхъ героевъ.

Въ дополнительныхъ томикахъ Чехова, тоже изданныхъ Марксомъ, напечатаны отрывки изъ чеховскихъ записныхъ книжекъ и среди отрывковъ имѣется такое мѣсто:

„Когда придетъ заря новой жизни, о которой они столько умѣютъ и любятъ говорить, когда строить эту жизнь начнетъ тотъ самый приказчикъ или сельскій учитель, (...) они перестаютъ этой новой жизни, о которой говорили такъ много, возненавидѣть ее и — кто знаетъ — можетъ быть пустятъ въ нее клеветой“...

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой чеховскаго текста,

а потому цитирую на память, но за дословную точность подчеркнутой послѣдней фразы и точный смыслъ всей цитаты — ручаюсь.

Такимъ образомъ, оказалось предвидѣннымъ и предсказаннымъ не только самое поведеніе „лишнихъ людей“ въ моментъ наступленія борьбы за „новую жизнь“, но и пророчески дана точная формулировка главнаго вида ихъ борьбы съ этой „новой жизнью“.

Ненависть и клевета.

Нечего говорить, что формулировка эта по-чеховски безошибочна, что вполне вытекаетъ изъ достаточнаго знанія имъ своихъ печальныхъ героевъ.

Чеховъ часто говорилъ о себѣ: — Меня будутъ читать семь лѣтъ. Не больше.

Онъ ошибся.

Его читаютъ уже семнадцать лѣтъ и будутъ читать еще долго.

А иностранная читающая публика поступаетъ совершенно правильно — когда сейчасъ — желая познакомиться съ Россіей, русской жизнью и русской революціей — принимается за книги Чехова и увлекается ими, о чемъ свидѣлствуютъ заграничная издательская хроника.

Оказывается, Чеховъ является до извѣстной степени ключомъ къ разгадкѣ ужасовъ обывательщины, какъ революціи, такъ и контръ-революціи.

Ефимъ Зозуля.